

DOI: 10.25178/nit.2026.1.10

Статья

Зооморфная картина мира в якутской и тувинской оронимии: сравнительный анализ

Яна В. Стручкова

*Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
Российская Федерация*

В статье представлен сравнительный анализ зооморфных оронимов якутского и тувинского языков. Выделены из словарей корпуса оронимов, включающие 198 якутские и 112 тувинские единицы. Выявлены системные различия в лексико-семантическом составе и словообразовательных моделях. Исследование выполнено в рамках лингвокультурологии и этнической ономастики, что дает возможность интерпретировать географические названия как сложные знаки, воплощающие историко-культурный опыт этноса.

В якутской оронимии доминируют номинации, связанные с лошадей и крупным рогатым скотом (58% оронимов), что отражает модель аласного скотоводства. Для тувинской оронимии характерно сопоставимое распределение домашних (46%) и диких (42%) животных, включая верблюда и мелкий рогатый скот, что соответствует системе горно-степного

кочевого хозяйства.

Мотивационные стратегии также демонстрируют системные различия. Якутская оронимия реализует утилитарно-событийный принцип, фиксирующий конкретные случаи из хозяйственной практики, такие как Орус Охтубут 'место, где упал бык'. Тувинская оронимия основана на образно-метафорическом принципе, где объекты рельефа уподобляются животным, например, Адан-Арт 'перевал, напоминающий верблюда'.

Сделан вывод, что анализ зооморфной оронимии позволяет реконструировать черты хозяйственно-культурного типа. Якутская система отражает адаптацию к аласным ландшафтам с акцентом на повседневную трудовую деятельность, а тувинская свидетельствует о диверсифицированном кочевом хозяйстве с образным восприятием пространства.

Ключевые слова: зооморфная оронимия; сравнительный анализ; якутский язык; Якутия; тувинский язык; Тува; лексико-семантическая классификация; хозяйственно-культурный тип

Исследование выполнено в рамках Госзадания № 075-00619-26-00 (НИР FWRS-2024-0066).

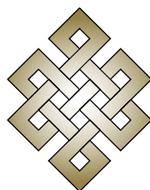
Для цитирования:

Стручкова Я. В. Зооморфная картина мира в якутской и тувинской оронимии: сравнительный анализ // Новые исследования Тувы. 2026. № 1. С. 179-188. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.1.10>

Стручкова Яна Васильевна — младший научный сотрудник отдела якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. Адрес: 677027, Российская Федерация, г. Якутск, ул. Петровского, д. 1. Эл. адрес: yanavasstruchkova@mail.ru Научный руководитель — д. филол. н. И. А. Невская.

STRUCHKOVA, Yana Vasilyevna, Junior researcher, Department of the Yakut Language, Institute for Humanitarian Studies and Problems of Indigenous Peoples of the North, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences. Postal address: 1 Petrovskogo St., 677027, Yakutsk, Russian Federation. E-mail: yanavasstruchkova@mail.ru. The scientific supervisor is I. A. Nevskaya, Doctor of Philology.

ORCID: 0000-0001-6016-4830

Zoomorphic Worldview in Yakut and Tuvan Oronymy: A Comparative Analysis

Yana V. Struchkova

*Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North,
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation*

The article presents a comparative analysis of zoomorphic oronyms in the Yakut and Tuvan languages. Corpora of oronyms extracted from dictionaries comprise 198 Yakut and 112 Tuvan units. Systemic differences were revealed in the lexico-semantic structure and word-formation patterns. The study was carried out within the framework of linguistic cultural studies and ethnic onomastics, which makes it possible to interpret geographical names as complex signs embodying the historical and cultural experience of an ethnic group.

In Yakut oronymy, nominations associated with horses and cattle dominate (58% of oronyms), reflecting the model of alas-based cattle breeding. In Tuvan oronymy, domestic (46%) and wild (42%) animals are represented in comparable proportions, including the camel and small livestock, corresponding to the system of mountain-steppe nomadic economy.

Motivational strategies also demonstrate systemic differences. Yakut oronymy follows a utilitarian-event-based principle, recording specific instances from economic practice, such as Орус Окhtubut (“the place where a bull fell”). Tuvan oronymy, by contrast, is based on an imagistic-metaphorical principle, in which relief objects are likened to animals, for example, Adan-Art (“a pass resembling a camel”).

It is concluded that the analysis of zoomorphic oronymy allows for the reconstruction of features of economic and cultural types. The Yakut system reflects adaptation to alas landscapes with an emphasis on everyday labor activity, while the Tuvan system indicates a diversified nomadic economy with an imagistic perception of space.

Keywords: zoomorphic oronymy; comparative analysis; Yakut language; Yakutia; Tuvan language; Tuva; lexico-semantic classification; economic-cultural type

Financing

The research was carried out under State Assignment No. 075 00619 26 00 (R&D Project FWRS 2024 0066).

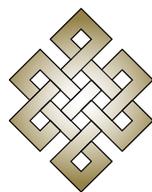
For citation:

Struchkova Ya. V. Zoomorphic Worldview in Yakut and Tuvan Oronymy: A Comparative Analysis. *New Research of Tuva*, 2026, no. 1, pp. 179-188 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.1.10>

Введение

Оронимия — совокупность собственных названий элементов рельефа земной поверхности — как компонент языковой картины мира представляет интерес для современных гуманитарных исследователей, находящихся на пересечении лингвистики, культурологии и этнографии. Как подчеркивает Е. Л. Березович, ценность топонимии в рамках антропологической парадигмы заключается, во-первых, в том, что она кодирует информацию о восприятии пространства, и, во-вторых, репрезентирует его «бытовой» вариант» картины мира, поскольку тесно связана с хозяйственной деятельностью и свободна от влияния книжной культуры (Березович, 2021: 279). Это положение в полной мере относится и к оронимии, что определяет огромный культуроведческий потенциал оронимических данных.

Актуальность настоящего исследования обусловлена как необходимостью преодоления лакун в тюркской ономастике, так и развитием междисциплинарной парадигмы, которая рассматривает ороним как сложный знак, воплощающий историко-культурный опыт этноса.

Несмотря на наличие значительного количества работ, посвященных тюркской оронимии, среди которых следует отметить исследования О. Т. Молчановой¹, Е. А. Керимбаева², Р. Д. Сунчугашева³, Б. К. Ондар (Ондар, 2008), Н. А. Ласыновой (Ласынова, 2009), пласт зооморфной лексики до настоящего времени не подвергался системному межрегиональному анализу. Между тем, зооморфные оронимы также выступают особым лингвокультурным кодом, который фиксирует фаунистическое разнообразие региона и многовековую историю хозяйственно-бытового уклада населения.

Настоящее исследование впервые проводит сравнительный анализ зооморфной оронимии двух контрастных систем — якутской (на материале оронимов Центральной Якутии) и тувинской, что позволяет перейти от эмпирического накопления фактов к их систематизации и выявлению типологических закономерностей.

Целью данного исследования является выявление общих и специфических характеристик зооморфной оронимии якутского и тувинского языков на основе системного сравнительного анализа. Для ее достижения поставлены следующие задачи:

- 1) охарактеризовать общетюркский контекст зооморфной оронимии, выявив ареальное единство и локальную специфику;
- 2) провести сравнительный анализ лексико-семантического состава и словообразовательных моделей якутских и тувинских зооморфных оронимов;
- 3) систематизировать мотивы номинации и объяснить выявленные сходства и различия через призму хозяйственно-культурных типов и особенностей ландшафта Центральной Якутии и Тувы.

Объектом исследования является корпус зооморфных оронимов (зооронимов) якутского и тувинского языков. Предметом исследования выступают лексико-семантические, словообразовательные и мотивационные характеристики зооронимов в сравнительном аспекте.

Методологическая основа исследования включает комплекс взаимодополняющих методов: описательный метод, включающий приемы семантической и словообразовательной классификации, а также элементы количественного анализа для систематизации собранного материала; ономастический анализ, направленный на реконструкцию мотивов номинации географических объектов; сравнительно-сопоставительный метод, применяемый для выявления сходств и различий в лексическом составе, моделях словообразования и мотивационных моделях двух оронимических систем; ареальный метод, позволяющий интерпретировать специфику оронимии через призму географических условий и исторически сложившегося хозяйственно-культурного типа каждого региона; лингвокультурологический анализ, используемый для интерпретации оронимов как феноменов культуры и раскрытия закодированной в них информации о традиционном хозяйстве, верованиях и мировоззрении народов.

Выбранный подход обеспечивает репрезентативность исследования, поскольку сравнение оронимических систем Якутии и Тувы строится на анализе контрастных природных зон (таёжно-равнинной и горно-степной). Это позволяет с высокой степенью достоверности выявить и объяснить специфику их зооморфной оронимии через призму экстралингвистических факторов.

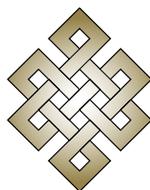
Источниковая база исследования включает два основных массива данных. Якутский корпус, ограниченный оронимами Центральной Якутии, представлен полевыми материалами экспедиционных исследований автора и научно-популярным трудом Багдарына Сүлбэ под названием «Ис иһигэр киридэххэ» на якутском языке⁴. Общий объем проанализированного якутского оронимическо-

¹ Молчанова О. Т. Гидронимы и оронимы Горно-Алтайской автономной области (лингвистический анализ): дисс. ... канд. филол. н. Томск, 1968.

² Керимбаев Е. А. Лексико-семантическая типология оронимов Казахстана: дисс. ... канд. филол. н. Алма-Ата, 1988.

³ Сунчугашев Р. Д. Оронимия Хакасии: дисс. ... канд. филол. н. М., 1999.

⁴ Багдарыын Сүлбэ. Ис иһигэр киридэххэ [Размышления об истоках языка]. Якутскай: Саха сиринээби кинигэ издательствота, 1988. (На як. яз.). В работе использован труд основателя якутской ономастики М. С. Иванова (Багдарыын Сүлбэ), содержащий обширный корпус народных преданий и объяснений, связанных с происхождением географических названий. Его материалы позволили выявить мотивационные модели и культурно-хозяйственный контекст формирования зооморфных оронимов Центральной Якутии, дополняя данные полевых экспедиций автора.

го материала — 198 единиц с зоонимическим компонентом. Для анализа тувинского материала использован «Топонимический словарь Тувы» Б. К. Ондар¹, из которого методом сплошной выборки отобрано 112 зооморфных оронимов.

Зооморфная оронимия в тюркских языках: ареальное единство и локальная специфика

В современной тюркологической ономастике накоплен значительный материал по зооморфной оронимии. Обобщение данных, представленных в научной литературе по тюркской оронимии (Ласынова, 2009; и др.²), позволяет выделить устоявшийся набор основных факторов номинации орографических объектов с использованием зоонимов. К ним относятся: 1) выделение базовой категории зоонимов; 2) указание на распространенность вида в данной местности; 3) хозяйственное (практическое) значение животного в жизни человека; 4) метафорический перенос, основанный на сравнении с животным; 5) мифологические и фольклорные сюжеты, повествующие о конкретном событии. Кроме того, Э. М. Мурзаев, анализируя общетюркские основы топонимии, отмечает, что многие зоонимы (*бузу* 'олень', *кочкор* 'баран-производитель', *бүргүт/бүркит* 'беркут', *джолбарс* 'тигр', *марал* 'благородный олень', *теке* 'горный козел', *азгыр* 'жеребец', *булан/булун* 'лось' и др.), широко распространенные в тюркских языках, могут восходить к глубинным пластам культуры — тотемам, этнонимам, личным именам и прозвищам (Мурзаев, 1996: 141), что подчеркивает сложный и многогранный характер тюркской зооронимии.

Сравнительный анализ зооронимии тюркских языков выявляет устойчивое ареальное единство, сформировавшееся под влиянием общего кочевого скотоводческого уклада. По данным авторов «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков», предки тюркоязычных народов занимались скотоводством, разводя пять основных видов скота: верблюдов, лошадей, коров, коз и овец (Сравнительно-историческая..., 2001: 424). Такой хозяйственный уклад нашел отражение в оронимии.

Данные по алтайскому языку (далее — алт.): *айгыр* 'жеребец', *ат* 'лошадь', *бука* 'бык', *инек* 'корова', *кой* 'овца', *кураган* 'ягненок', *јабага* 'жеребёнок до двух лет', *тай* 'необъезженный конь'³; хакасскому языку (далее — хак.): *ат* 'лошадь', *инек* 'корова', *пийи* 'кобыла', *пуга* 'бык'⁴; башкирскому языку (далее — башк.): *ат* 'лошадь', *бейд* 'кобыла', *айгыр* 'жеребец', *колон* 'жеребёнок', *тай* 'жеребёнок до 2-х лет', *конан* 'жеребец от 2 до 3 лет', *байтал* 'кобыла', *һарык* 'овца', *кәзә* 'коза', *бертәкә* 'козел', *бызау* 'теленоч', *үгез* 'бык' (Ласынова, 2009); казахскому языку (далее — каз.): *теке* 'козел', *бура* 'самец-верблюд', *кошкар* 'баран-производитель', *ат* 'лошадь', *бие* 'кобыла', *айгыр* 'жеребец', *бота* 'верблюжонок'⁵) — подтверждают наличие общего ядра в тюркской зооронимии.

В частности, скотоводческий комплекс проявляется в использовании детализированной половозрастной терминологии, например: алт. *Кызыл-Јабага* (букв. красный + жеребёнок), башк. *Һимезтай* (букв. жирный + жеребёнок). Также широко представлены зооронимы с цветообозначениями: алт. *Ала-Айгыр* (букв. пегий + жеребец), башк. *Көрәнбейдә* (букв. бурый + кобыла), каз. *Акбота* (букв. белый + верблюжонок).

Универсальны и словообразовательные модели. Наиболее продуктивными являются однокомпонентные оронимы с аффиксами обладания, указывающие на наличие или изобилие вида в данной местности: алт. *Јунмалу* (букв. горный козел-PROPR⁶), каз. *Жиренди* (букв. джейран-PROPR).

¹ Ондар Б. К. Топонимический словарь Тувы. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 2007.

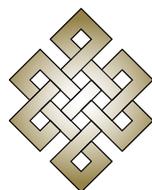
² Керимбаев Е. А. Лексико-семантическая типология оронимов Казахстана: дисс. ... канд. филол. н. Алма-Ата, 1988; Сунчугашев Р. Д. Оронимия Хакасии: дисс. ... канд. филол. н. М., 1999; Молчанова О. Т. Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во, 1979.

³ Молчанова О. Т. Топонимический словарь Горного Алтая. Горно-Алтайск: Алт. кн. изд-во, 1979. С. 128, 142, 189, 222, 243, 252, 284.

⁴ Сунчугашев Р. Д. Оронимия Хакасии: дисс. ... канд. филол. н. М., 1999. С. 89.

⁵ Керимбаев Е. А. Лексико-семантическая типология оронимов Казахстана: дисс. ... канд. филол. н. Алма-Ата, 1988. С. 126, 130.

⁶ В лингвистических примерах и при глоссировании используются следующие условные обозначения: AOR — причастие настоящего времени; GEN — генитив / родительный падеж; PCP.PST — причастие прошедшего времени; PROPR — проприетив; POSS.3SG — принадлежность 3 лица единственного числа. Грамматические пометы в межстрочном глоссировании приводятся прописными латинскими буквами непосредственно после соответствующей морфемы.

Широко распространены двухкомпонентные именные конструкции: 1) с изафетной связью первого типа с нулевым оформлением обоих компонентов: алт. *Ат-Ажу* (букв. конь + перевал), каз. *Жылан-тау* (букв. змея + гора); 2) с изафетной связью второго типа, где определяемое слово оформляется аффиксом принадлежности: алт. *Кускун-Уйазы* (букв. ворона + гнездо-POSS.3SG), башк. *Кәзә туғайы* (букв. коза + луг-POSS.3SG). Отдельную группу составляют сложные оронимы глагольной конструкции, формирующиеся на базе отглагольных форм: алт. *Айу-Чапкан* (букв. медведь + зарубить-PCP.PST), каз. *Аюалган* (букв. медведь + взять-PCP.PST).

Наряду с единством, в оронимии тюркских языков проявляется локальная специфика, обусловленная природно-климатическими условиями и хозяйственно-культурным типом. Например, оронимия Казахстана и Башкортостана изобилует названиями с компонентом 'верблюд': каз. *Ботамойнак* (букв. верблюжонка + шея), башк. *Дәйтәши* (букв. верблюд + камень), что указывает на исторические ареалы развитого верблюдоводства в этих регионах. Для башкирской оронимии, в свою очередь, характерна высокая частотность названий, связанных с мелким рогатым скотом: *Кәзә тауы* (букв. коза + гора-POSS.3SG), *Караһарык туғайы* (букв. черная овца + луг-POSS.3SG), *Бәрән оскан* (букв. овца + слететь-PCP.PST), что подчеркивает ключевую роль овцеводства и козоводства в традиционном хозяйстве региона.

Для оронимии Саяно-Алтайского региона (Алтай, Хакасия) наблюдается обилие названий диких копытных и эндемиков: алт. *Jeерен* (букв. джейран), алт. *Саратак* (букв. годовалый марал), алт. *Лун-малу* (букв. горный козел-PROPR), хак. *Күлбүс* (букв. дикий козел). Аналогично, в казахской оронимии, компонент *арқар* 'горный баран' формирует такие названия, как *Арқарлы* (букв. горный баран-PROPR) и *Архарбасы* (букв. горный баран + голова-POSS.3SG). Эти оронимы не только указывают на ареал обитания данного промыслового животного, но и, по мнению исследователей, отражают его культовое значение, связанное с идеей плодородия¹.

Помимо утилитарно-событийных и метафорических моделей, выделяется мифопоэтический и табуический пласт, где название является концентрированным выражением сакрального смысла. Ярким примером является образ лебедя (алт. куу, башк. *аккош*), занимающего особое место в картине мира тюркских народов. Его почитание как тотема-первопредка и сакральной птицы, наделенной женской символикой (Хисамитдинова, 2016: 332), закономерно отразилось в оронимии в виде прямых номинаций, таких как алт. *Куунын-Ойык* (букв. лебедь-GEN + лог), башк. *Аккош тауы* (букв. лебедь + гора-POSS.3SG), а также событийных оронимов-табу. К последним относится башкирское название *Аккошаткан-тау* (букв. лебедь + застрелить-PCP.PST + гора). Легенда, объясняющая его происхождение, повествует об охотнике, наказанном гибелью семьи за нарушение запрета на убийство священной птицы². В данном случае ороним выполняет функцию топонимического маркера табу, фиксируя в географическом имени не только событие, а этиологический миф, объясняющий и укрепляющий в коллективном сознании строгий охотничий запрет.

Другим проявлением сакрального отношения к животным в оронимии является практика табуирования их названий. Наиболее показательным примером является культ медведя. В то время как многие тюркские языки сохранили формы, восходящие к общетюркскому **адуг* (*айу, аю, айыу*), в языках Сибири, где культ медведя был особенно развит, исконное название замещалось эвфемизмами (Дыбо, Никуленко, 2019: 87). В хакасском языке используется эвфемизм *аба* 'отец, дед', алтайцы уважительно называют медведя *абаай* 'старший брат отца; дядя', что нашло отражение в оронимии: хак. *Аба паары* (букв. медведь + подножие-POSS.3SG), алт. *Алтыгы-Абай* (букв. нижний + медведь).

Таким образом, тюркская зооронимия представляет сложную систему, демонстрирующую диалектику ареального единства, основанного на общем кочевом скотоводческом укладе, и локальной специфики, определяемой географической средой и хозяйственно-культурным типом. Проведенный обзор создает основу для сравнительного анализа якутского и тувинского материала, позволяя перейти от констатации общетюркских тенденций к выявлению уникальной специфики каждой из изучаемых систем.

¹ Керимбаев Е. А. Лексико-семантическая типология оронимов Казахстана: дисс. ... канд. филол. н. Алма-Ата, 1988. С. 128.

² Надршина Ф. А. Башкирское народное творчество. Пословицы, поговорки, приметы, загадки. Уфа: Китап, 1993. С. 38.

Лексико-семантическая и словообразовательная структура якутских и тувинских зооморфных оронимов

Сравнительный анализ лексико-семантического состава зооронимов якутского (далее — як.) и тувинского (далее — тув.) языков выявляет как общие черты, связанные с тюркским языковым родством и скотоводческой традицией, так и существенные различия, отражающие специфику природной среды и хозяйственного уклада этих регионов (таб. 1).

Таблица 1. Специфика якутской и тувинской зооморфной оронимии
Table 1. Specifics of Yakut and Tuvan zoomorphic oronymy

Критерий сравнения	Якутская зооронимия	Тувинская зооронимия
Общая характеристика	Модель аласного ¹ скотоводства	Модель горно-степного кочевого хозяйства
Статистика	Абсолютное доминирование домашних животных	Сопоставимая представленность домашних и диких животных
Домашние животные	Лошадь и крупный рогатый скот	Лошадь, крупный и мелкий рогатый скот, верблюд
Дикие животные	Основной акцент на пушных зверях и крупных хищниках	Основной акцент на диких копытных (высокая номенклатурная дробность)
Ихтионимы (рыбы)	Широко представлены	Единичные случаи
Орнитонимы (птицы)	Ограниченный набор сакральных и промысловых видов	Широкое разнообразие, отражающее разные ландшафты

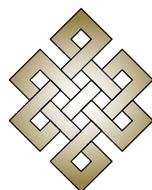
Как видно из таблицы 1, статистический анализ зооронимов якутского языка показывает абсолютное доминирование домашних животных, главным образом лошади и крупного рогатого скота, на долю которых приходится 58% оронимов. Лошадь представлена как общим термином *ат* 'лошадь, конь' — *Ат Алыыта* (букв. конь + поляна-POSS.3SG), *Ат Алааһа* (букв. конь + алас-POSS.3SG), так и развитой системой половозрастной лексики: *атыыр* 'жеребец' — *Атыыр Толооно* (букв. жеребец + долина-POSS.3SG), *биэ* 'кобыла' — *Биэ Сыһыыта* (букв. кобыла + поле-POSS.3SG), *кулун* 'жеребенок' — *Ат Кулуннаах* (букв. конь + жеребенок-PROPR).

Не менее детализирована группа оронимов с компонентами *ынах* 'корова' и *оѳус* 'бык'. В данную группу входят как общие номинации — *Ынах Алааһа* (букв. корова + алас-POSS.3SG), *Ынах Элгэнэ* (букв. корова + луг-POSS.3SG) и *Оѳус Тумула* (букв. бык + мыс-POSS.3SG), *Оѳус Алааһа* (букв. бык + алас-POSS.3SG), так и названия, мотивированные узкоспециальными терминами: *борооску* 'теленок в первую зиму' — *Борооску Аартыга* (букв. теленок + перевал-POSS.3SG), *бургунас* 'нетель' — *Бургунастаах* (букв. нетель-PROPR), *торбос* 'теленок в первое лето' — *Торбос Алааһа* (букв. теленок + алас-POSS.3SG).

Собака (*ыт* 'собака') также занимает важное место в якутской картине мира, что зафиксировано в оронимах: *Ыт Өлбүт Сыһыыта* (букв. собака + умереть-PCP.PST + поляна-POSS.3SG), *Ыттаах Дьүөдьэ* (букв. собака-PROPR + озеро).

Дикие животные представлены скромнее (20% оронимов), но семантически важны: это, в первую очередь, пушные звери — *куобах* 'заяц' — *Куобахтаах* (букв. заяц-PROPR), *кырынаас* 'горностай' — *Кырынаас Дьаара* (букв. горностай + яр-POSS.3SG), *саһыл* 'лиса' — *Саһыл Алааһа* (букв. лиса + алас-POSS.3SG), а также хищники — *эһэ* 'медведь' — *Эһэ Кырдала* (букв. медведь + релка-POSS.3SG), *бөрө* 'волк' — *Бөрө Бастаах* (букв. волк + голова-PROPR).

¹ Алас — характерный для Центральной Якутии ландшафт: безлесная, хорошо освещенная поляна с луговой растительностью, как правило, с озером в центре, окруженная лесом. Аласное скотоводство — исторически сложившаяся система содержания скота (преимущественно лошадей и крупного рогатого скота) на таких естественных сенокосно-пастбищных угодьях в летний период.

Существенную, хотя и менее многочисленную группу в якутской оронимии составляют ихтионимы и орнитонимы. Рыбы представлены общим термином *балык* — *Балыктаах* (букв. рыба-PROPR), *Балыктаах Алаас* (букв. рыба-PROPR + алас), и специфическими номинациями промысловых видов: *собо* 'карась' — *Абыс Собоолоох* (букв. восемь + карась-PROPR), *алыһар* 'окунь' — *Алыһар* (букв. окунь), *мунду* 'гольян озерный' — *Мунду* (букв. голяян).

Птицы представлены ключевыми для мифологии и хозяйства видами, включая *кус* 'утка' — *Сүүс Кустаах* (букв. сто + утка-PROPR), *хаас* 'гусь' — *Хаастаах* (букв. гусь-PROPR), *кыталык* 'стерх' — *Кыталыктаах Алаас* (букв. стерх-PROPR + алас) и *куба* 'лебедь' — *Кубалаах* (букв. лебедь-PROPR).

Тувинские зооронимы демонстрируют более широкий фаунистический спектр, отражающий разнообразие региона — от степей до высокогорий. Для них характерно сопоставимое количество номинаций домашних (46%) и диких (42%) животных. Как и в якутском, здесь широко представлены лошадь — *аът* 'лошадь, конь' — *Аът-Октаар* (букв. лошадь + бросать-AOR), *Аът-Тудар-Хая* (букв. лошадь + ловить-AOR + скала) и крупный рогатый скот — *инек* 'корова' — *Көк-Инек* (букв. сивый + корова), *буга* 'бык-производитель' — *Буга-Мыйыс* (букв. бык + рог).

Принципиальное отличие заключается в наличии мощного пласта оронимов, связанных с верблюдом (*адан* 'рабочий верблюд', *буура* 'верблюды-производитель', *теве* 'верблюд') и мелким рогатым скотом (*хой* 'овца', *кошкар* 'баран', *өшкү* 'коза'): *Адан-Арт* (букв. верблюд + перевал), *Теве-Моюн* (букв. верблюд + шея), *Кошкар-Арт* (букв. баран + перевал), *Хой-Баар* (букв. овца + ходить-AOR).

Показательно, что для якутской традиционной культуры и, как следствие, оронимии, верблюд является экзотическим, неизвестным животным. Его название, если и присутствует в лексике, то исключительно в качестве заимствования (як. *тэбиэн* 'верблюд'), и полностью отсутствует в качестве компонента оронимов.

Значительно богаче представлена группа диких животных, особенно копытных, для которой характерна высокая номенклатурная дробность: *булан/буур* 'лось' — *Буур-Арт* (букв. лось + перевал), *Буурлуг* (букв. лось-PROPR), *сыын* 'марал' — *Сыын-Мыйыс* (букв. марал + рог), *Сыынныг-Каът* (букв. марал-PROPR + хребет), *хүлбүс* 'самец косули' — *Хүлбүс-Баштыг* (букв. косуля + голова-PROPR), *чуңма* 'козерог, дикий горный козел' — *Чуңма-Халыыр* (букв. козерог + прыгать-AOR), *элик* 'косуля' — *Элик-Хараар* (букв. косуля + высматривать-AOR).

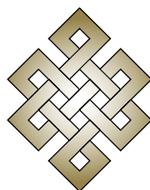
Птицы в тувинской зооронимии также разнообразны, включая водоплавающие и околоводные птицы: *аңгыр* 'турпан, огарь' — *Аңгыр-Бедик* (букв. турпан + гора), так и горные и степные виды: *кускун* 'ворон' — *Кускуннуг-Каът* (букв. ворон-PROPR + хребет), *хартыга* 'сокол' — *Хартыгалыг-Даг* (букв. сокол-PROPR + гора), *эзир* 'орёл' — *Эзир-Уя* (букв. орёл + гнездо), а также мелкие птицы: *хараачыгай* 'ласточка' — *Хараачыгай* (букв. ласточка).

Ихтионимы практически отсутствуют, за исключением единичных случаев, таких как *Байлаңныг-Узук* (букв. малек-PROPR + перевал) и *Балыктыг-Ортулук* (букв. рыба-PROPR + остров), что, вероятно, свидетельствует о меньшей роли рыболовства в горно-степных условиях Тувы по сравнению с таёжно-речным и аласно-озерным комплексом Якутии.

Словообразовательный анализ зооронимов якутского и тувинского языков выявляет общие черты и специфические структурные модели. В обеих системах наблюдаются модели образования однокомпонентных и двухкомпонентных зоонимов с использованием формантов, таких как якутские *-лаах/-лээх* и тувинские *-лыг/-лиг*, образующих структуры [зооним-PROPR] и [зооним-PROPR + орографический термин]: як. *Хабдылаах* (букв. куропатка-PROPR), як. *Мохсоҕоллоох Хайа* (букв. сокол-PROPR + гора), тув. *Морзуктуг* (букв. барсук-PROPR), тув. *Кошкарлыг-Тайга* (букв. баран-PROPR + тайга).

Для якутской оронимии наиболее продуктивны изафетные конструкции второго типа [зооним + орографический термин-POSS.3SG]: *Ынах Алааһа* (букв. корова + алас-POSS.3SG), *Атыыр Толооно* (букв. жеребец + долина-POSS.3SG). Также широко представлены глагольные конструкции с причастиями прошедшего времени [зооним + глагол-PCP.PST]: *Оҕус Охтубут* (букв. бык + падать-PCP.PST), *Ынах Сылайбыт* (букв. корова + устать-PCP.PST).

В тувинской оронимии частотны изафетные конструкции первого типа [зооним + орографический термин]: *Буура-Тайга* (букв. верблюд + тайга), *Хаван-Даг* (букв. свинья + гора), а также глагольные конструкции с причастиями настоящего времени [зооним + глагол-AOR]: *Кодан-Боолар* (букв. заяц + стрелять-AOR), *Хүлбүс-Халыыр* (букв. косуля + прыгать-AOR).

Таким образом, лексико-семантический и структурно-словообразовательный анализы показывают, что сформировались две различные оронимические системы. В якутской оронимии преобладают названия, связанные с домашними животными (58%), и активно используются изафетные конструкции второго типа. В тувинской оронимии соотношение названий, мотивированных домашними и дикими животными, почти равное (46% и 42% соответственно), а в структуре названий преобладают изафетные конструкции первого типа.

Ономасиологические основы зооморфной оронимии как отражение хозяйственно-культурных типов Центральной Якутии и Тувы

Сравнительный анализ мотивационных моделей зооморфных оронимов в якутском и тувинском языках позволяет выявить различия в восприятии пространства, имеющие когнитивные основы и связанные с исторически сложившимися хозяйственно-культурными типами. Несмотря на общетюркскую лингвистическую основу, мотивационные стратегии демонстрируют значительные расхождения, определяемые адаптацией к природной среде каждого региона.

Якутская оронимическая система представляет собой лингвистическую модель аласного скотоводства, развившегося в экстремальных условиях тайги и вечной мерзлоты. Сочетание термокарстового рельефа (аласов) и сурового климата способствовало развитию специализированного скотоводства, в котором ключевую роль играли лошадь и корова — виды, наиболее приспособленные к местным условиям. Эта утилитарно-прагматическая ориентация находит отражение в доминировании событийной (нарративной) мотивационной модели, характеризующейся лингвистической фиксацией конкретных, зачастую драматических случаев из хозяйственной жизни.

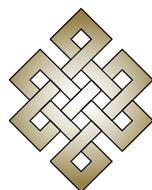
Событийная модель включает названия, которые становятся памятными вехами или «летописью» взаимодействия человека с животными. Например, названия типа *Оѳус Охтубут* 'алас, где бык упал', *Сүөһү Түспүт* 'алас, где скот пал', *Ынах Өлбүт* 'алас, где корова умерла' отражают конкретные события, связанные с гибелью, травмой или потерей животных. Даже нейтральные названия, такие как *Сылгы Дабатар Хайата* 'гора, через которую перегоняют лошадей' подразумевают не абстрактное сходство, а конкретный маршрут, являясь следствием многократно повторявшегося действия. Лексический состав якутских зооронимов соответствует данной модели: в нем преобладают образы лошади (*ат*, *сылгы*) и крупного рогатого скота (*ынах*, *оѳус*), что подчеркивается детализацией половозрастной терминологии. Значимым аспектом является отсутствие в якутской оронимии названий, связанных с верблюдами, овцами и козами, что обусловлено их неприспособленностью к экстремальным климатическим условиям.

Следовательно, якутская оронимия отражает утилитарное отношение к ландшафту как к арене интенсивной трудовой деятельности, где каждый объект связан с конкретным действием или происшествием. Пространство осваивается через непосредственный опыт, что формирует практичное мышление, при котором ороним преимущественно несет информационную, а не образную нагрузку.

Тувинская оронимия, в отличие от якутской, сформировалась в условиях горно-степной зоны, что обусловило развитие многоотраслевого кочевого скотоводства, включающего верблюдоводство, разведение овец и коз. Вследствие этого в тувинской оронимии центральное место занимает метафорическая (образная) модель, основанная на зрительном или функциональном сходстве объекта рельефа с животным. Пространство осмысливается через зооморфные образы, что соответствует кочевому восприятию ландшафта. Кочевник, постоянно перемещаясь, воспринимает земную поверхность как целостный образ и присваивает ей названия по внешнему сходству, интегрируя ландшафт в систему культурных кодов через художественную метафору. В тувинской оронимии, наряду с лошадью и коровой, представлены верблюд (*теве*, *буура*) и мелкий рогатый скот (*хой*, *кошкар*). Перевал, напоминающий верблюда, называется *Адан-Арт* 'верблюд-перевал', а гора, ассоциирующаяся с бараньей головой, именуется *Кошкар-Баштыг* 'имеющая баранью голову'.

Следовательно, тувинская оронимия свидетельствует о поэтическом восприятии природы и стремлении осмыслить форму рельефа, присвоив ей «имя» по его образному подобию. Это отражает образно-ассоциативное мышление, характерное для культур с длительной кочевой традицией.

Отдельный пласт составляют модели, связанные с архаическими верованиями. Например, в тувинском языке наблюдается параллельное употребление прямого названия медведя *адыг* и сакраль-

ного эвфемизма *хайыракан*. Последнее представляет собой почтительное название божества, всевышнего или медведя, что находит отражение в орониме *Улуг-Хайыракан* 'большой медведь'.

Происхождение ряда зооморфных оронимов находит объяснение в фольклорной традиции. Характерным примером, иллюстрирующим общемифологическую основу якутской оронимии за пределами центральной якутского корпуса, является легенда об утесе *Кубалаах* 'лебединый'. Согласно преданию, влюбленные, спасаясь от нежеланного брака, были превращены духом гор в лебедей и обрели вечное пристанище на вершине утеса (Панков, 1979: 104). С тех пор ежегодно останавливающиеся у подножия скалы лебеди считаются их воплощением. Это обусловило возникновение табу на их отстрел (там же: 105). Данный пример демонстрирует функционирование оронимов как сложных лингвокультурных комплексов, где легенда выполняет этиологическую функцию, объясняя не только происхождение названия, но и связанную с местом поведенческую норму. При этом зооним *куба* 'лебедь' теряет чисто номинативную функцию и приобретает глубокую символическую нагрузку, становясь символом вечной любви, верности и духовного преображения.

Особый интерес представляет гипотеза о возможной этнонимической основе некоторых якутских зооронимов. Ряд названий, образованных от зоонима *обус* 'бык' (*Обус Алааһа*, *Обус Тумула*), Багдарын Сүлбэ относит к этнопонимам, связывая их с племенем хоро, в культурной традиции которого бык занимал центральное место¹. Археологические и этнографические данные подтверждают существование культа быка-пороза среди доякутского населения центральных улусов (Бравина, Попов, 2008: 156). Следовательно, некоторые якутские зооронимы могут отражать не хозяйственную деятельность, а глубокие пласты этнической истории и тотемические верования, указывая на места расселения или священные локусы ассимилированных этнических групп. Примечательно, что в тувинской оронимии аналогичные случаи этнонимической мотивации зооронимов не зафиксированы.

Таким образом, ономазиологический анализ позволяет выявить когнитивные основы контраста в восприятии пространства. Различие мотивационных моделей обусловлено особенностями адаптации к природной среде и хозяйственной деятельности: якутская оронимия носит нарративный характер, поскольку осваивает ландшафт посредством фиксации событий и личного опыта. Тувинская оронимия, напротив, метафорична, поскольку познает мир через визуальное уподобление и использование устойчивых образов. При этом общетюркское единство наиболее ярко проявляется в области мифопоэтики, где оронимы функционируют как свернутые мифы или воплощения табу, интегрируя язык, ландшафт и архаические верования в целостный культурный комплекс.

Заключение

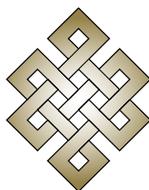
Проведенное исследование зооморфной оронимии якутского и тувинского языков позволяет сделать вывод, что географические названия, образованные от наименований животных, представляют не случайный набор лексем, а стройную систему, являющуюся частью языковой картины мира тюркских народов. Сравнительный анализ на различных уровнях выявил как общетюркские основы, так и специфические черты каждой оронимической системы, определенные хозяйственно-культурными типами.

Основные результаты исследования сводятся к следующему.

Лексико-семантический состав отражает фаунистическое окружение и хозяйственные приоритеты. Доминирование номинаций, связанных с лошастью и крупным рогатым скотом (58% оронимов) в Якутии, маркирует регион аласного скотоводства. Сопоставимая представленность домашних (46%) и диких (42%) животных в Туве указывает на многоотраслевое горно-степное кочевое хозяйство.

Словообразовательные и мотивационные модели демонстрируют различия в концептуализации пространства. Для якутской оронимии характерен утилитарно-событийный принцип, формирующий «хозяйственную летопись», где ландшафт осмысливается через призму повседневного труда и личного опыта. В тувинской оронимии доминирует образно-метафорический принцип, создающий «поэтический атлас» и отражающий панорамное, кочевое восприятие пространства.

¹ Багдарыын Сүлбэ. Ис иһигэр киирдэххэ [Размышления об истоках языка]. Якутскай: Саха сиринээҕи кинигэ издательствота, 1988. С. 130. (На як. яз.).

Культурно-мифологический пласт зооронимов зафиксировал общие архаические верования (табу на медведя, культ лебедя) и локальные особенности. Выявление потенциальных этнооронимов в якутской оронимии подтверждает ее значимость для реконструкции этнической истории.

Таким образом, проведенный анализ на материале оронимов Центральной Якутии и Тувы показывает, что зооморфная оронимия служит надежным индикатором хозяйственно-культурного типа. Якутская оронимическая система Центральной Якутии запечатлела модель адаптации к экосистемам аласных котловин, где жизнеобеспечение сосредоточено на выносливых видах скота и повседневном труде. Тувинская оронимия зафиксировала модель жизни в контрастных ландшафтах гор и степей, основанную на диверсификации скотоводства и образном осмыслении пространства.

Научная новизна и перспективы работы заключаются в разработке и апробации комплексной сравнительной методики анализа зооморфной оронимии, которая может быть применена к другим тюркским и нетюркским ареалам. Перспективным представляется дальнейшее углубление в этноэкологический и лингвокультурологический аспекты, а также привлечение более обширного полевого материала для создания полного электронного атласа тюркской зооморфной оронимии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Березович, Е. Л. (2021) Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Пространство и человек. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 328 с.
- Бравина, Р. И., Попов, В. В. (2008) Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV-XIX вв.). Новосибирск : Наука. 296 с.
- Дыбо, А. В., Никуленко, Е. В. (2019) Зооморфная метафора «медведь» в русском, английском и языках Южной Сибири // Язык и культура. № 45. С. 78–95 DOI: <https://doi.org/10.17223/19996195/45/6>
- Ласынова, Н. А. (2009) Оронимия Юго-Восточного Башкортостана (лингвистический анализ). Уфа : Гилем. 124 с.
- Мурзаев, Э. М. (1996) Тюркские географические названия. М. : Восточная литература. 254 с.
- Ондар, Б. К. (2008) Тувинская топонимия. Сопоставительный анализ топонимии Тувы с топонимами Южной Сибири и других тюркоязычных территорий. Кызыл : Тувинское книжное издательство. 296 с.
- Панков, А. С. (1979) Оймяконский меридиан. М. : Мысль. 176 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков (2001) / Э. Р. Тенишев, Г. Ф. Благова, И. Г. Добродомов, А. В. Дыбо, И. В. Кормушин, Л. С. Левитская, О. А. Мудрак, К. М. Мусаев; отв. ред. Э. Р. Тенишев. М. : Наука. 822 с.
- Хисамитдинова, Ф. Г. (2016) Мифологическая лексика башкирского языка (в этнолингвистическом освещении). Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН. 400 с.

Дата поступления: 12.11.2025 г.

Дата принятия: 01.12.2025 г.

REFERENCES

- Berezovich, E. L. (2021) *Russian toponymy in an ethnolinguistic aspect. Space and man*. Moscow, Librokom. 328 p. (In Russ.)
- Bravina, R. I. and Popov, V. V. (2008) *Funeral and commemorative rites of the Yakuts: monuments and traditions (15th – 19th centuries)*. Novosibirsk, Nauka. 296 p. (In Russ.)
- Dybo, A. V. and Nikulenko, E. V. (2019) Zoomorphic metaphor 'bear' in Russian, English and the languages of Southern Siberia. *Yazyk i kul'tura*, no. 45, pp. 78–95. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17223/19996195/45/6>
- Lasynova, N. A. (2009) *Oronymy of South-Eastern Bashkortostan (linguistic analysis)*. Ufa, Gilem. 124 p. (In Russ.)
- Murzaev, E. M. (1996) *Turkic geographical names*. Moscow, Vostochnaya literature. 254 p. (In Russ.)
- Ondar, B. K. (2008) *Tuvan toponymy. A comparative analysis of the toponymy of Tuva with the toponyms of Southern Siberia and other Turkic-speaking territories*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 296 p. (In Russ.)
- Pankov, A. S. (1979) *The Oymyakon meridian*. Moscow, Mysl'. 176 p. (In Russ.)
- Tenishev, E. R., Blagova, G. F., Dobrodomov, I. G., Dybo, A. V., Kormushin, I. V., Levitskaya, L. S., Mudrak, O. A. and Musaev, K. M. (2001) *Comparative-historical grammar of the Turkic languages*. Ed. by E. R. Tenishev. Moscow, Nauka. 822 p. (In Russ.)
- Khisamitdinova, F. G. (2016) *Mythological vocabulary of the Bashkir language (in an ethnolinguistic perspective)*. Ufa, IYaL UNTs RAN. 400 p. (In Russ.)

Submission date: 12.11.2025.

Acceptance date: 01.12.2025.